

ГЕРОИЧЕСКАЯ

ФАНТАСТИКА

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

ПОГРАНИЧНИК
ПРОТИВ АБВЕРА

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К70

Разработка серии *С. Курбатова*

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *А. Соловьева*

Корчевский, Юрий Григорьевич.
К70 Пограничник против Абвера / Юрий Корчев-
ский. — Москва : Яуза : Эксмо, 2016. — 384 с. — (Герои-
ческая фантастика).

ISBN 978-5-699-89003-3

НОВЫЙ военно-фантастический боевик от автора бестселлера «Погранец». Зеленые фуражки». Заброшенный в 1941 год, наш современник принимает бой на западном рубеже СССР на рассвете 22 июня и прорывается к своим, совершив диверсионный рейд по немецким тылам. Но что делать пограничнику в 1942 году, когда от линии фронта до государственной границы тысячи километров? Где пригодятся его профессиональные навыки? Разумеется, в военной контрразведке! Только теперь «погранец» из будущего ловит не нарушителей и контрабандистов, а немецких разведчиков, радистов и парашютистов-диверсантов.

Он станет настоящим «чистильщиком-волкодавом» легендарного СМЕРШа.

Он примет боевой орден из рук самого Берии.

Он бросит вызов лучшим асам Абвера.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-89003-3

© Корчевский Ю. Г., 2016
© ООО «Издательство «Яуза», 2016
© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

ГЛАВА 1

«КИРПИЧ» И «СТРЕКОЗА»

оложив трубку, Федор плюхнулся на табуретку.
— Ну что, дырки в гимнастерках под ордена крутить-вертеть?

Светлов довольно улыбался.

— Знаешь, что мне Осадчий сказал? «Кирпича» и «Стрекозу» взять — это само собой. Дело о второй рации, что в Торжке, взято под особый контроль Лаврентием Павловичем. Напомнить, кто это такой?

— Не надо, я помню.

— И сроку нам с тобой дали пять суток!

Особист витиевато и забористо выматерился.

— Оставляют у нас Дубовика с пеленгатором, приказали задействовать его на полную катушку.

— А если рация эти пять дней в эфир не выйдет?

— Будь оптимистом, Дима! Так мы едем за «Кирпичом» и «Стрекозой»?

— Едем. Автоматчиков возьму. У меня в особом отделе четверо, у тебя двое. Возьмем!

— Транспорт ищи, все в твой «козлик» не поместится.

Сам Федор к Дубовику прошел.

— Василий, я приказ получил, считай — от Самого.

Федор показал пальцем на потолок.

— Слушаю.

— Вот-вот. Эфир слушай. Засеки, где эта вторая рация? Сроку нам дали пять суток, и время пошло.

— Понял. Я постараюсь.

— Сучков, Обухов! Хватит бока отлеживать! С оружием на выход.

Надо покончить со всей группой. Одно плохо — уже поздний вечер. Магазин Военторга закрыт, надо искать начальство, через кадровика узнавать адрес этой «Стрекозы». Политрук Фадеев встречался с агентом в магазине, адреса проживания не знал.

Первым делом направились на станцию, в вагонное депо. Станция маленькая, как и депо. Вошли туда всей группой: особист, Федор и с ним шесть автоматчиков. Дежурный нарядчик в испуге встал.

— Добрый вечер! — поздоровался Федор. Где нам найти слесаря Угланцева?

— Он на смене сейчас.

— То есть на станции или здесь, в депо?

— На станции. Работа у него такая, колесные пары, тормозные системы эшелонов проверять, что прибывают.

— Проводите.

— Я не могу уйти.

— Оставьте вместо себя кого-нибудь или дайте провожатого.

— Сейчас.

Нарядчик вскочил, выбежал в дверь, вернулся с парнишкой в замасленной робе.

— Он покажет.

— Отлично.

Вышли из здания. Мимо по рельсам громыхал грузовой состав.

— У Углянцева какое-то рабочее место есть? — спросил Федор.

— Нет, он вдоль путей ходит, осматривает вагоны.

Плохо. Увидев автоматчиков и офицеров, может улизнуть. Прощмыгнет под вагонами, только его и видели. Особист это тоже понял. Своих солдат и Федора — Сучкова и Обухова, разделил по трое.

— Вы — к выходным стрелкам — туда, а вы трое — туда. Задерживать всех, кто попытается по путям со станции выйти.

— Стоять! — приказал Федор. — Поясняю. Не всех, только мужчин. Исполнять.

Солдаты разбежались.

— Вдвоем возьмем? — пошутил Федор.

— А куда эта сука денется? Возьмем!

Пошли к путям, всего их четыре было. На двух стояли эшелоны с техникой. На платформах накрытые брезентом танки и пушки, очертания угадывались.

Возле платформ прохаживались часовые. От вагонов раздавались странные звуки. Стук — стук — хлоп!

— Это что такое? — спросил у провожатого слесаря особист.

— Вагонники работают. Молоточком по бандажам стучат. Потом крышки букс закрывают. А как же? Подшипники осмотреть, масла подлить.

— Ага, понял.

По мнению Федора, особист ни черта не понял, но показывать не хотел.

— Вот он! — Показал рукой паренек. И вдруг крикнул: — Дядя Паша! Вас ищут!

— Заткнись, — прошипел Федор. — Кто тебя просил?

Но «Кирпич» крик услышал и офицеров увидел. Бросил масленку и молоток на длинной ручке, прыгнул под вагон, побежал по щебенке. За эшелонем его видно не было, только звук сапог по щебенке.

— Догоняем! — кинулся особист к вагонам.

А с той стороны, за вагонами, крик:

— Стой! Стой, стрелять буду.

Это часовой, увидев бегущего, заподозрил неладное. После предупреждения — винтовочный выстрел. Федор и особист уже вынырнули из-под вагона. Особист сразу закричал:

— Отставить стрельбу.

И одновременно с командой — еще один выстрел.

— Ты стрелял? — подбежал к часовому особист.

— Я предупредил — стоять! А он бежит! Я в воздух выстрелил, как положено. А вторым выстрелом по нему.

— Где он? Ну, по кому ты стрелял?

— Вон! — показал рукой в сторону часовой.

Особист и Федор в темноту кинулись. Федор фонарь зажег. А от середины эшелона уже трель свистка. Это караульный начальник с двумя бойцами бежит. Раз стреляли — какое-то происшествие.

Федор и Светлов одновременно тело обнаружили. Особист сплюнул.

— Готов! Вот же снайпер, твою мать!

Это он про часового. Попасть человеку в затылок в темноте — случайность. Но для офицеров — плохо. Ни допросить, ни связи выявить. На свет фонаря примчался начкар, как называли в армии сокращенно начальника караула. Запыхался, в руке револьвер.

— А, что? Вы кто такие? По какому праву...

— По такому!

Светлов поднес к носу начкара удостоверение.

— Он побежал, часовой после предупреждения выстрелил.

— Я часового не обвиняю, он действовал по уставу. Можете его поощрить. Вы свободны.

Начкар вздохнул облегченно и ушел.

— Вот незадача! Капитан, зовите своих солдат с той стороны, а я с этой. Надо труп в грузовик да обыскать. У нарядчика адрес взять, жилье у этого гада обыскать.

Привели автоматчиков. Те перенесли труп в кузов грузовика. Пока Федор его обыскивал, особист в депо направился, взял адрес и выяснил, что «Кирпич» рядом со станцией жил бобылем.

— Ключи в кармане у убитого. Досмотрим, даже замки ломать не придется.

Домишко выходил окнами к станции, старой постройки из списанных шпал, снаружи отштукатурен. Искали компромат вдвоем с особистом, а солдаты — хозпостройки во дворе. Находки скромные. Два листка бумаги, на которых даты и черточки.

— Что бы это значило? — потер подбородок капитан.

— Думаю, даты и число поездов, прошедших по станции. Ты выгляни в окно: станция как на ладони.

— Похоже на то. Завезем труп в морг — и за «Стрекозой».

— Если ее упустим, намылят нам шею обоим.

Завезли труп в морг городской больницы. Где Военторг, солдаты знали. Но сейчас уже ночь. Как найти продавщицу? Поспрашивали около магазина у местных жителей. Город невелик, да и городом стал чуть более ста лет, хотя первые упоминания о нем появились еще в семнадцатом веке. Нехорошо вышло,

приходилось стучать в дома, будить жителей. Одна тетка крикнула из окна:

— Совсем стыд потеряли, а еще военные! До утра не дотерпите? Через три дома Любка живет, верти-хвостка!

Пошли в указанную сторону. Особист автоматчикам приказал:

— Дом окружить. Будет оказывать сопротивление — стрелять только по ногам. Убьете случайно, сам башку оторву.

Калитка не закрыта, вошли во двор, стараясь ступать тихо. Федор в окно постучал. Через секунду в окне показалась женщина.

— Ну, чего вам?

— Любочка, душа горит!

— Надоели, до утра не помрете!

— Люба, двойную цену платим. И закусь!

— Ладно, ждите. Оденусь и ключи возьму.

Федор прикинулся жаждущим выпить. Особист встал за дверь. Через пять минут щелкнула щеколда, дверь распахнулась, и особист с размаху ударил кулаком продавщицу в лицо. Женщина без чувств рухнула на пол.

— Ты sdурел, капитан? Слесаря часовой ухлопал, а ты этой мозги вышиб. Полегче нельзя?

Продавщица дышала, но была без сознания. Федор зол на Светлова был. Любу допросить надо, а она в отключке. Ну, дуболом!

— Нельзя женщину бить как мужика!

— Да я вроде не сильно вдарил.

— Вот и жди, пока очухается!

— В машину ее. В камере водичкой обольем, очнется. Бабы — они живучие.

Автоматчики понесли продавщицу в машину.

— Идем в дом, осмотреть надо.

Только вошли, Федор фонарь вытащил. Из комнаты на кухню выскочила бабка в ночной рубашке, закричала.

— Грабеж! Убивают! Помогите!

— Тихо! Мы из НКВД!

Крик оборвался. Уж больно организация серьезная.

— Где комната жилички?

— Вот тут.

— Лампу какую-нибудь зажгите.

Старуха зажгла керосиновую лампу. Оба офицера начали осмотр. Обнаружили припрятанную пачку денег. Хм, а в шифрограмме агент «Стрекоза» денег просит на подкуп. А в пачке денег не меньше. Наверное, наворовала в магазине. Получить по запросу она еще не успела бы, радиограмма свежая. Во все тяжкие Любка пустилась. Война — она все спишет. А еще записную книжку обнаружили. Федор открыл, полистал. Есть записи интересные.

«Капитан Савельев. Не дурак выпить, за женщинами поволочиться. Много болтает. Майор Кошевой, тыловик, склады боепитания. Дышит ко мне неровно».

Ага, записывала, кого на чем завербовать можно. Хороший материал для особиста.

Федор записную книжку в командирскую сумку убрал. Завтра днем, если позволит время, надо будет изучить и передать Светлову. Вместе с политруками и комиссарами сможет поработать над морально неустойчивыми военнослужащими. Судя по записям, рядовые Любку не интересовали. Знают мало, денег нет, зачем на них тратить время?

Подъехали к зданию, которое занимал особый отдел, иначе — военная контрразведка.

Автоматчики перенесли продавщицу в камеру. Люба до сих пор была без сознания.

— Вылейте на нее пару ведер воды, да похолоднее.

Пока солдаты за водой ходили, Федор поднялся в занимаемую комнату. Дубовик сидел за пеленгатором, крутил верньеры. На голове наушники, лицо сосредоточенное.

— Как успехи? — поинтересовался Федор.

Дубовик снял наушники.

— А никак! Не выходит передатчик в эфир. Кстати, немцы проявляют повышенную активность. В эфире полно радиостанций, почти на всех частотах.

— Ты прости, Василий, я не специалист. О чем это говорит?

— Так обычно перед наступлением бывает.

— На каком участке?

— Черт его знает. Может, и на юге. Радиостанции средневолновые, достают далеко. Я пытался определить. Сигналы с юга идут. Но второй пеленг нужен, а лучше — три, для точности. Но, судя по мощности сигнала, радиостанции далеко. Тысяча километров, восемьсот, кто знает?

— Ладно, меня они не интересуют, если это не наш «пианист»¹.

— Как только появится нечто интересное, я сразу сообщу.

— Будет возможность, подменю. «Стрекозу» взяли.

— Это которая в шифрограмме фигурировала?

— Ага, ее.

— Там еще второй агент был — «Кирпич».

— На станции часовой его грохнул. Из винтовки прямо в затылок. Наповал.

¹ На сленге контрразведчиков «пианистами» называли вражеских радистов.

— Плохо.

Федор побежал на первый этаж.

Солдатики уже вылили на голову женщины воду. Сейчас она лежала в луже воды. Но водная процедура дала эффект. Люба медленно открыла глаза, глубоко вздохнула. Федор беспокоился — помнит ли что-нибудь. Такой удар в голову с потерей сознания говорил только о сотрясении головного мозга в лучшем случае или контузии. Пострадавший на время может потерять память. Как ее после этого допрашивать? Кроме того, черепно-мозговая травма впоследствии приводит к головным болям, скачкам давления, изменениям психики. Но эти последствия Федора не интересовали. Если вина подтвердится уликами, вещественными доказательствами, будет скорый суд военного трибунала и расстрел. В военное время действовали быстро и жестко.

В его время некоторыми видами спорта, например боксом, заниматься запрещалось. Подготовка летчика стоит государству миллионы, а один хук в голову будет стоить карьеры. То же со смешанными единоборствами.

Вот ОМОН занимался, но у них головы крепкие и мозгов меньше, чем у летчиков.

Люба обвела глазами камеру, солдат, офицеров. Взгляд стал принимать осмысленное выражение, потом в глазах появился страх. Осознала, что попала в кутузку. Опершись на руки, села на полу.

— Голова кружится и тошнит.

— Пройдет, — жестко сказал Светлов. — Ты в особом отделе. Знаешь, что это такое?

— Знаю.

— На вопросы отвечать будешь? Или применить силу?

И в мирное, довоенное время, и во время войны пытки применялись по разрешению сверху.

Сталин проповедовал доктрину: если враг не сдается, его уничтожают. А если можно убить, почему нельзя пытать? К тому же признание вины подозреваемым ставилось во главу угла. Сознался, пусть под пытками, — значит, виновен. Но пытки выдержать и не сломаться могли не все. Если вражеские агенты, особенно из кадровых, немцев, еще упорствовали, то завербованные из пленных ломались сразу. Фанатики немецкие встречались в сорок первом и сорок втором годах. Потом веры в гений фюрера побавилось, больше после побед Красной Армии под Москвой, Сталинградом и Курском. После Курской битвы немцы уже не могли предпринимать крупных наступательных действий, не хватало сил.

Оборонялись упорно, отходили, но инициатива была утрачена, а с ней угас боевой пыл Вермахта.

— Не надо силы, я боли боюсь, — почти прошептала Люба.

— Тогда как на духу: кого завербовать успела, кому передавала данные. Настоящую фамилию. Начни с самого начала, время у нас есть.

— Пусть он проклят будет!

— Кто?

— Политрук Фадеев.

У офицеров безразличные лица. Политрук уже в камере сидит, не новость. Люба рассчитывала на удивление.

— Давай что-нибудь посвежее. Завтра устроим тебе очную ставку с бывшим политруком. Он через камеру от тебя сидит. Все связи уже сдал. Скажешь что-то новое, поживешь еще. А не услышу — утром к стенке поставим, — зевнул Светлов.

Играл он, но неплохо, как актер. Федор внутренне поразился. Неужели про Станиславского знал?

Любка поняла, что ее спасение в ее руках.

Держась рукой за голову, стала говорить. Имя и фамилия настоящие, с ними начала работать в «Военторге». Когда политрук ее завербовал, дал псевдоним «Стрекоза», сказал, что делать надо.

Подпаивать спиртным старших командиров, спать с ними, выведывать сведения о дислокации войск, их боеспособности, о предстоящей переброске на другие участки фронта. Все, что узнавала, записывала и передавала Фадееву.

— Как, где происходили встречи?

— В магазине, он приходил под видом покупателя. Деньги за сотрудничество давал, а еще два раза крупные суммы, склонить командиров к измене.

— Много таких нашлось?

— Двое.

Люба продиктовала фамилии, должности, номера полков. Задержание их теперь было делом времени — нескольких часов. Стало быть, сеть не ограничивалась Фадеевым, «Кирпичом» и «Стрекозой». Были еще пособники.

К утру Люба была уже не в состоянии говорить, ее стошнило.

— Прервемся, пусть поспит, — распорядился Светлов.

Когда вышли из камеры, спросил:

— Что Дубовик?

— Рация пока в эфир не выходила.

— Хреново. Иди поспи немного. Я своих оперативников сейчас по полкам разошлю. Задержать и доставить изменников. Пеленгация за тобой.

— Сначала поест. Жрать охота — сил нет.